

Ника Эльба
*Неопалимая купина. Путевые
заметки*

Ника Эльба

**Неопалимая купина.
Путевые заметки**

«Издательские решения»

Эльба Н.

Неопалимая купина. Путевые заметки / Н. Эльба —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626502-8

В поэтический сборник Ники Эльбы «Неопалимая купина. Путевые заметки» вошли стихотворения разных лет, объединённые общей лирической и философской тематикой.

ISBN 978-5-00-626502-8

© Эльба Н.
© Издательские решения

Содержание

Неопалимая купина	8
Хакасия – земля пяти стихий	8
Хакасия, Сундуки	11
Красноярский край, Саяно-Шушенская ГЭС, водопад Катушка	12
Наш капитан	13
Тува	14
Бурятия	16
Монголия	19
Этот удивительный Хабаровский край	21
Музыкальная школа	24
«Главенствующим делом жизни моего супруга – да, впрочем, и моей ...»	25
Доктору А. Н. Мансурову	26
Послание доктору А. Н. Мансурову	27
Осень	28
Осень в Вороново	29
И снова Саяны	30
Дух впереди меня бежит	31
Монастыри Москвы: Донской монастырь	32
Высоко-Петровский монастырь	33
Николо-Перервинский монастырь	35
В саду цветы	36
Времена дня: день	37
Вечер	38
Ночь	39
Утро	40
Родник любви	41
Амазонка-воительница	42
Разговор четырёх стихий	43
Чудо-яблонька	44
Детство	45
Я в детских снах в безбрежный космос почему-то на ракете улетала	46
Приазовская степь	47
Раннее детство. Село Рассвет	48
Чудо-журавель	49
Удивительный удод	50
К 700-летию города Клина	51
Отчий дом	52
Душистое цветенье сада	53
Летающие коньки	54
Летающие лыжи	55
Бывало и такое	56
Сказочный Палех	57
Ностальгия. Остров детства	58
Космическая ёлка моего детства	59

Отец	60
К отцу	61
Мама	62
К маме	64
Увещевала мама в детстве	65
Мне мама колыбельные не пела	66
Как песни с дедом пела мать	67
Бывает, песни мамы и во сне пою	68
Маме	69
Разговор с портретом мамы	70
Храню я верность маминым заветам	71
Памяти моей бабушки Елизаветы Васильевны	72
Осенние мелитопольские сады	73
Село Косы (фрагмент)	74
Весна поэта	75
«Внемлите: у художников ведь всё не так, как у людей...»	76
Коль юным утром	77
Наша питомица	78
Викуны	79
Поэтическому салону «Крылья души»	80
Коль ты мечтательный поэт	81
«Кто знает, что астрал реальной иллюзорного земного бытия...»	82
Моим друзьям бесценным я скажу	83
Благодарение сердцу	84
С. Б.	85
Такой изменчивый геном	86
Космос	87
«Во всякой дисциплине важно принцип осознать...»	88
Вселенная и жизнь	89
Метро	90
Московский особняк Усачёвых – Найдёновых	91
Парк особняка Усачёвых – Найдёновых	92
Земля моя, как ты красива	93
Я соглашусь, что невозможно всё на свете знать	94
«Кто знает, что бывают...»	95
Вечера в консерватории	96
Вы извините непоседливость мою	97
«Как соткать из пустоты...»	98
Н. А. Н.	99
Спор одуванчиков	100
Осень	101
Осень, Золотой пруд в Сокольниках	102
Ещё нас осень радует	103
Художникам	104
Д. Намдакову	105
Речная прогулка по Москве-реке	106
Александровский сад	107
Цветные карандаши «Сакко и Ванцетти»	108
Году Дракона	109

Знаки Зодиака	110
Что говорят ах-кехи	111
Ива	112
Крым, Алушта	113
Крым, Партенит, сады Айвазовского	114
Крым, Гурзуф	115
По иранским мотивам	116
ВДНХ моего детства	117
Фестиваль национального гостеприимства на ВДНХ	118
Фестиваль «Сокровища Севера» в Сокольниках	119
Салон Дидро: выставка в Пушкинском музее	120
Выставка картин Слонимской «Антарктика»	122
Выставка «Перуанские артефакты»	123
К художникам	124
Праздник самовара в Эрмитаже	125
Выставка Рязанской земли на ВДНХ	127
Тыква	128
Парк имени Горького	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Неопалимая купина. Путевые заметки

Ника Эльба

© Ника Эльба, 2024

ISBN 978-5-0062-6502-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неопалимая купина

Хакасия – земля пяти стихий

Опять манят неведомые дали,
И мы средь звезд свой торим путь,
Но стоило заре блеснуть,
И вот уж заалели облачные шали.
Скользнув из-под пушистых облаков,
Вмиг завораживают дивны холмы —
Фисташковые плюшевые сопки
Бегут вдогонку, будто в море волны.
И голубые ленты рек, как изумительные кружева,
Сотканные самой природой,
Играют и стремят свой бег
Под лучезарным небосводом.
Весёлой перекличкою стрижей
Встречает нас зелёный Абакан,
Под сводами тенистыми аллея
Уводит в удивительный музей,
Где потрясающие артефакты
Безмолвно протянули нить
Меж вами и ушедшей в Лету
Непостижимо древней стариной.
Курган Салбыкский молчаливо окружён
Кольцом угрюмых мегалитов:
Здесь тлен, хранитель тайн давно ушедших лет,
Как будто в воздухе висит тоской неутолённой.
И горловое пенье Улугбашева чарует,
Как будто голос дальних предков из глубин сознания возник,
И очертил загадочный свой лик.
Тепсей нас разнотравьем опьянил
И сказочным видением с вершины,
И дух наш над прекрасной Энесай парил
Над бархатными дивными холмами.
И фиолетовый задумчивый Тепсей
Всё средь душистых трав о чём-то грезит,
Хранитель тайн прошедших дней,
Безмолвный страж вод серебряных.
С другого берега, короной осиян,
Ему внимает чутко Оглахты:
Обоим ведомы загадки старины
И тайны всех курганов сей земли.
И музыка степи в подножье Оглахты
В лучах пурпурного заката
В шелковых волнах ковыля

Вас всё зовёт, зовёт куда-то.
А между ними, гордая краса,
Неторопливо катит воды Энесай
И серебром своих искристых вод
Чарует стражей нежностью своей.
Там сумасшедшие закаты,
Как огненные реки в обрамленьи алых берегов,
Под сводами пурпурных облаков,
Уводят в мир чудесных снов.
Предгорья светлые Саян
Столь первозданной прелестью полны —
И всяко деревце здесь создано резцом творца, —
Уводят в фантастические сны:
Вы будто на космических качелях
Взлетаете над сказочной землёй,
Да так, что аж захватывает дух,
И одновременно скользите в серебристых водах
Прекрасной Энесай русалкою речной.
И тучные стада в степях бескрайних,
И нивы пышные теряются вдали —
Всё это возвращено упорными трудами
Радетелей обильной сей земли.
Их говор мягкий, и приветливость, открытость лиц,
Глаза, как полноводные озёра,
Те, где находят отдых стаи перелётных птиц.
Фисташковые горные долины
Вкруг опоясаны журчащею рекой,
И цепь дремотных гор за горизонт
Зовёт в полёт над сказочной землёй.
Там облака садятся отдохнуть
На дивные дремотные долины
И в молоко наш погружают путь —
Ни зги не видно, лишь одни туманы.
Здесь дрёмные лазурные Саяны
По пояс пеленают кружевные мхи:
Живут там любопытные бурундуки,
Кедровка там среди хвои порхает,
И каменные статуи в Ергаках,
Своей задумчивой стране,
Зрят сквозь века свои виденья
И видят сны в туманной мгле.
И озеро там Ойское с хрустальной рекой
Перекликается, как будто брат с сестрой,
Лазури вод их прелесть память сохранит,
Сияющих, как камень лазурит.
Сияют мраморные горы,
Одеты словно бы в снега,
И удивительные рыжие озёра —
Природы дивны зеркала.

Ваш дух парит на горных высях,
Небесной силой окрылён,
И вы сливаетесь с природой
И вечностью, стоящей вне времён.

Хакасия, Сундуки

Расскажет вольный ветер
Вам притчу в Сундуках
О людях, несших службу
На крепостных стенах —
Как всматривались в дали
С тревогой на челе,
О том, как рисовали
Петроглиф на скале,
Как в древности шаманы
Пророчили судьбу,
Как шли вдаль караваны,
Пронзая ночи мглу.
А вид такой с вершины —
Захватывает дух,
Необозримы дали
Вас так очаровали,
Что, расправляя крылья,
Вы реете счастливо
Над сей землёй красивой,
Над озером Шира
В бездонной синеве,
Играя с облаками,
Как будто в дивном сне.

Красноярский край, Саяно- Шушенская ГЭС, водопад Катюшка

Какое чудное виденье
Нам мир Саян открыл!
Мир величавых гор —
Гора в горе – творенье
Божественных могучих сил,
Что окружает водны глади
Холодных енисейских вод,
В них наш кораблик затерялся
И изумлённо вдаль идёт —
Он будто вечный странник духа,
Он слился с вечностью времён
И грезит о стране титанов,
Безмерной мощью упоён.
В великом малый, он велик, сливаясь
С дыханием природных сил,
И нет ему преград в виденье
В волшебный дивный этот миг.
В земле, где бьётся сердце древнее Сибири,
Он озарения достиг.

Наш капитан

Наш капитан – он плоть от плоти
Привольной сей земли сибирской,
Героем древних сказочных легенд
Исполнен силы духа богатырской.
Величье духа у него сродни величию Саян,
Необоримый дух – наследство
Непобедимых воинов Сибири —
Ему в наследие отдан.

Тува

Неведомые земли
Опять к себе зовут,
И вновь тропую древней
Наш пролегает путь.
Султаны куполов
Взметнулись в неба синь,
Что золотые струи
Из сказочных глубин.
И в шапочке с султаном
Всё тот же стиль сквозит,
Когда наездник вольный
Стрелой сквозь степь летит.
И горловое пенье
Чарует свистом птичьим,
И углублённый голос
Сразит своим величием,
И мерный бег коней
В том пенье вдаль зовёт,
В страну долин цветущих
Средь сказочных высот.
И вольно катит воды
В долине Энесай,
Играет чудо-солнце
В золотых её волнах,
И розовые горы
В лучах закатных тают,
И чудные узоры
Там в облаках витают.
Шатры, что в дивной сказке,
Сияют белизной,
Поют в Булаге ветры
О старине былой,
Здесь Энесай искрится
В кудрявых берегах,
Трепещет сердце птицей,
Купаясь в облаках.
Центр Азии взметнулся
Пред нами в синь стрелой:
Летят крылаты кони
Над Энесай-рекой,
Наездники крылаты
Зрят в глубину веков,
Их дух парит свободно,
Не ведая оков.
Их меткий глаз, их лёгкий стан

Охотников из сказки,
Легендами седыми осиян.

Бурятия

Опять мы крылья расправляем
В полёте над российской необъятною землёй,
Зовёт Байкал нас – мы ещё не знаем,
Какие ждут нас чудеса за дымкой голубой,
Какие нам поведают легенды
Проникновенно, не спеша,
Бурятские неведомые земли,
Какие нам Байкал раскроет тайны —
Великая озёрная душа.
Заката розовая лента
Летит за нами лёгкой дымкой
В полёте неотступно вслед —
Лишь замирает на мгновенье,
И над исчезнувшим закатом
Восход свой лучезарный разливает свет.
Природы царство первозданной, чудной —
Кудрявых сопок дивная гряда
Волнуется под нами морем изумрудным,
Бежит за нами, словно дивная волна.
Но глянул вдруг из-под крыла Байкал
Своим недрёмным оком
И вмиг бескрайнею стихией вод околдовал,
И закружил нас в сказке синеокой,
Где обитают быль и небыль
И где поёт байкальская волна.
Улан-Удэ встречает птичьим пересвистом —
Весёлых ласточек лихие виражи
Рисуют кружева в лазурном небе чистом, —
Скульптурами диковинных животных на мостах,
Журчаньем струй неповторимого хрустального фонтана
На площади пред оперным театром
Июльским жарким днём лучистым
И величавою неспешною рекою Селенгой
В кудрявых томных берегах.
И драмтеатры украшают город,
И театральная здесь жизнь нечёт —
Театр «Байкал» концерты чудные даёт
И, что ни день, аншлаг там собирает.
А город чтит своих героев,
Отдавших жизнь за мир и волю,
И монумент на горке Славы
Горит нетленной звездой.
Герой легенд народных пламенный Гэсэр,
Защитник обездоленных и сирых,
Проведший жизнь свою в скитаньях,

Сливёт борцом в людских преданьях.
Геологический музей коллекцией бурятских минералов славен —
Как же красивы недра сей земли!
Во все века красою им блистать пристало.
Дацан на Лысой горке смотрит величаво
И посылает городу своё благословенье.
На праздник ёхора коль в Верхнюю Берёзовку поедешь,
Стволы могучих сосен, словно свечи,
Сбегают с сопок к вам навстречу
И вас пьянят благоуханьем,
И дивной музыкальной сказкой,
И вольной песней, танцем полон вечер.
Народные оркестры восхищают —
Всю мощь земли своей та музыка вмещает.
Певиц здесь голос льётся вольницей чудесной,
И, коль поют, из глубины души там рвётся песня.
И в малом зоопарке яки удивили:
Обмахиваясь белоснежными хвостами,
Коричневые сфинксы будто в летаргии вдруг застыли.
На празднике весёлом «Съезд дарханов»
Нам изумительная орочка камлала
С открытым голубиным взглядом.
Душа её здоровья, творческих успехов нам желала.
Певица выступала вслед за ней,
Напевностью чей голос изумляет,
Диапазон же голоса её
Сравним лишь с Имой Сумак, не иначе —
Такие редкие таланты здесь земля рождает.
Средь вольного раздолья
На фоне сопок-исполинов
Дацан сияет Иволгинский светом негасимым,
Как та неопалимая купина,
Что дарит свой нетленный свет,
И в том дацане вглядываясь в диво
В день пасмурный, под кровлей, сквозь стекло,
Черты лица не разобрать,
Но отчего-то чувствуешь его проникновенный взгляд,
Как будто естество его нетленно.
Твоя ль фантазия то чувство навлекла,
А может быть, сие виденье —
Поток твоих же мыслеформ,
Что от стекла здесь отразились?
Там розовую негой разливаются закаты
За чёткой линией притихших гор,
И духи горные ведут неспешный разговор
С степною вольницей крылатой.
А со стадами и отарами в степи негусто,
Да и в загонах их заметно пусто —
Иль все они на летнем выпасе в степи,

Иль не успели здесь отары нарастить.
И голубое озеро Гусиное встречает нас в пути,
Как говорят, Байкала брат,
Голубизною вод соперничает с небесами,
С песочными крутыми берегами
И сосенками малыми, бегущими вослед за вами.
Но надо здесь природу побережь
И очистных сооружений ГРЭС добавить:
Ведь рыб мальки в Гусином исчезают —
Лишь старожилы это замечают.
Вот наконец Байкал открыл с высот Гремячинска
Свои бескрайние объятья
В кипрея розовых цветах,
И мы с ним обнялись, как братья.
Байкал, что в переводе значит «пасть», —
Разлом коры Земли, едва ль до мантии не доходящий,
И дух её, из недр летящий,
В волненье на её стихии вод
Частенько проявляет свой полёт.
Мой дух восторженный парил над голубой стихией вод:
В его глубинах сказка чудная живёт,
И каменная черепаха в сердце там жемчужину хранит,
А рядом с ней лев каменный грустит,
Им волны колыбельные поют,
Слезами орошая каменный приют.
Горячинск там горячею лечебною водою славен:
Источник бьёт из-под земли,
Волнуется земля здесь временами
И возмущенья шлёт, как откровения свои.
По золотым пескам в Турке
Июльское гуляет лето,
На сопках сосны вечной зеленью одеты,
И дивная прохладная байкальская волна
Столь несравненной нежности полна,
И наш кораблик нам позволил
Привольным ветром всласть наполнить грудь,
Отважно по волнам отчалив в недалёкий путь.
И с вод Байкала нам открылась чудная картина —
Увенчан берег гор кудрявою грядой,
Сосновые в прибрежной полосе темнеют боры,
Пленяя взгляд наш золотым песком
И белой свечкой – крошкой-маяком.

Монголия

Монголия встречает нас в пути
Рассветом росным и туманным
И россыпью белейших юрт
Среди оливковых холмов,
Как будто стая лебедей
Спустилась на долину отдохнуть,
С рассветом чтобы свой продолжить путь.
Стада коров и табуны коней,
Овец отары тучные в степи —
Всё жидется на тружениках сей земли,
Идущее от их земных корней.
Лучистый Улан-Батор раскинулся в долине,
Вкруг окаймлённый горною грядой
С рекою Тол, что катит волны
В кудрявых томных берегах,
С прозрачною хрустальною водой,
Подпрыгивая резво по камням,
И манит вас в свои скитанья
Средь сопок в край туманный голубой.
В намоленном монастыре Гандан,
Где исполинский Будда рвётся ввысь
Под купол дивного дацана,
Вас повергая в изумленье
Как духа дивное творенье
И взгляд его, пронзая время и пространство,
Уносит вас вслед за собой.
Златые кровли крыш дацанов,
Свободно крылья расправляя,
Как будто в сказочном полёте
Парят, в прозрачной синеве сияя.
Гул голосов при чтенье мантр
Сливается в таинственные хоры —
Молитвы их восходят к небесам,
Летят в космические звёздные просторы.
Летит и конница стальная по степи неоглядной
Вслед за ваяньем Чингисхана-исполина,
Царящем над бескрайнею долиной.
И величавый дух степной
Захватывает вас и опьяняет сказочным раздольем,
И песня рвётся птицей из души привольно.
Парк изумительный Тэрэлж
Раскинулся в долине сказочных ваяний
Среди причудливых скалистых гор,
Где время и ветра ваяют из пород скалистых великанов —
И дивных черепах, и гребни ящеров, древнейших исполинов,

И вы, как замороженный и изумлённый персонаж из сказки,
Парите в сей долине фантастических созданий.
И изумительные яки шерстяными кораблями
Плывут в высоких травах, исподлобья на тебя взирая:
Не подходите близко! Могут ведь неправильно тебя понять —
Такая стать у них лихая.
И, разнотравьем всласть альпийским упоён,
Июльским солнышком согретый,
Дацан Арьяабал на скальной высоте
Купается в лучах приветливого лета
Средь разнотравья и цветов.
Порхал мой дух хэнтэйскою нимфеей,
А над долиной реял птицей,
Вдыхал цветенье трав, пьянея —
Он с духом гор успел сродниться.
Мемориальный комплекс на горе Зайсан
Парит над городом нетленной птицей,
И вечна память о героях,
В лихие годы мир и волю защитивших.
Величественна площадь у великого дворца хурала,
Который изваянье Чингисхана возглавляет
И изваянье Сухэ-Батора на пламенном коне потомкам завещает
Монголию любить и защищать.
Здесь чтут своих писателей:
Ваяние на вас взирает величаво
Того, чей интеллект трудом страну прославил,
И правнучка того, в чью честь тут памятник стоит,
Своим гордится прадедом по праву.

Этот удивительный Хабаровский край

Мы, словно небожители, с восьмого этажа
Гостиницы восторженно взирая,
Парим счастливо со стрижами в синеве
Над дивными разливами серебряной реки,
Не видно коим ни конца, ни края.
Закаты здесь неповторимо хороши,
И солнце, словно яркий апельсин,
Над горизонтом в лёгкой дымке тихо тает
И, яблоком в нежнейших розовых тонах
Откланявшись, последний мягкий свет эфиру посылает,
Иль сквозь пелены лёгких облаков
В просвет на землю Божьим оком зрит —
Сияющею солнечной дорожкой на водах величавых
Вам сказку дивную дарит.
Как величав ты, батюшка-Амур,
С рекой Уссури весело сливаясь
И малую Плюснинку, и Биру гостеприимно принимая!
Твоих просторов и разливов голубые рукава
Ветвятся кружевом чудесным
По изумрудным солнечным долинам,
И необъятна ширь твоя,
Привольной льющаяся песней.
С Амурского утёса чудный вид,
Достойный кисти живописца,
Твои разливы уподоблю сказочным морям:
За горизонт, волнуясь, убегают
И сопки тёмно-синию грядой
Твои красиво дали обрамляют.
Хехцир царит над водами сияющей реки —
Гора в горе и за горой гора, —
Столь величаво берег обрамляет,
Что сердце в изумленье замирает.
Тропой Арсеньева не удалось, увы, пройти,
А как мечталось нам воочию исследовать таёжные пути!
На Уссурийском острове часовенка незыблемо стоит,
И православный дух над ней витает,
И Виктор-воин там с иконы дивной
Своё благословенье миру посылает.
Дорога синусоидой бежит среди густых лесов
Широколиственных и малой доли хвойных,
И солнца луч сквозь чащу не сквозит —
Природы буйство, дух её лесной дивит
И в сказки чернолесья нас уводит.
Лимонник цепко обвивает
Ветвей раскидистую сеть,

Аралия, кистями бус играя,
За ним старается успеть,
По вертикали сложный путь одолевая.
И слышится «чак-чак, чак-чак», смешные птичьи споры —
Сороки в сосняке ведут свои лесные разговоры.
А в Сикачи-Аляне воды батюшки-Амура так изумительно нежны,
В его волнах так радостно плескаться,
На лодке, рассекая волны,
В хрустальных брызгах по реке лететь
И этносу нанайцев изумляться —
Из рыбьей кожи чудеса творят
И бесподобной ароматною ухой там угостят:
Гостеприимные хозяева-нанайцы
С суровой природою на «ты» здесь говорят.
Там, в Сикачи-Аляне, древние петроглифы с амурских берегов
Загадочно на мир взирают.
В их взоре затаилась вечность —
Свидетели бесчисленных эпох,
Чей дух нам указывает в бесконечность.
Хабаровск славным рыцарем на сопках возлежит,
Купаясь в зелени и парков, и бульваров —
В вечерних сумерках среди танцующих фонтанов
С Амуром о деяньях славных говорит,
О людях славных сей земли богатой.
И Муравьёв-Амурский с пьедестала
Шлёт повелительно стране благую весть:
Теперь российская земля и здесь
Под гордым именем Хабаровского края.
Хабаров и отважный Невельской, Дьяченко с казаками
Зажгли Хабаровскому краю и Хабаровску зелёный свет.
Арсеньев с помощью Дерсу исследовал здесь край таёжный.
С тех пор минуло уж немало лет,
То были непростые времена:
Заслуги их хранятся в памяти народной.
Цвет лотоса амурского изящен, нежен, чист,
Под струями дождя брильянтами украшен всякий лист,
И, золотой струёй вниз извергаясь,
Рождает россыпи алмазные на плавающих листьях,
Что торжеством изящества сияют.
Коллекции музея краеведческого Гродекова нет цены —
Собрание богатств природы и истории земли,
И этносов Хабаровского края.
Другой такой коллекции не знаю!
Хехцирский заповедник не открыл нам двери,
А жаль – богатство флоры описать тогда бы мы сумели
Так, как Павлишин изумительно его изобразил.
Музей искусств нас растворил в изысканных полотнах —
И Тициан с его дыханием прелестных форм дивит,
И Дюрер в графике посылом нежным осеняет,

Ян Усмовец Сорокина нас силой духа русского ошеломляет,
Творение Поленова нас знойной дымкой обжигает
И сказку нам мгновений чудных с щедростью дарит.
Хабаровск и своей архитектурой славен:
Дом городской вас древнерусским стилем удивит —
Шатровой крыши башенки строенье возглавляют,
Из-под кокошника из узких окон
Среди кубышчатых колонн на мир задумчиво взирает.
Модерн здесь формы окон плавно обрамляет:
Цветные изразцы, балконы, переплётки окон радостно сияют,
У окон арочных цветут
И любованье ими предлагают.
Не хватит слов, чтоб описать очарованье дивным краем,
Но то, что дух запечатлел,
Вам благодарно предлагаем.
P. S. А соловья здесь баснями не кормят,
И кулинарные рецепты неизменно хороши.
О Приамурском крае удивительном поётся:
Здесь повара готовят от души.
Как кормят Алишер и Азиза
По истинно узбекской рецептуре!
С трудом мы верим собственным глазам,
Узбекистан увидев на Амуре.

Музыкальная школа

Ведь школа призвана к тому,
Чтобы накопленные знания человечества
Младому поколению передать.
Учителю же надо приложить немало и искусства, и терпенья,
Чтоб ученик позволил это знание взять,
Возиться с ними, проявляя неусыпную заботу,
Привить ту мысль, что значительность традиций,
Стремление к прекрасному в изящнейших искусствах —
Столь неотъемлемая его часть,
И то, что социализация необходима,
Чтоб среди разных и характеров, и типажей
Свой статус в обществе сыскать.

«Главенствующим делом жизни моего супруга – да, впрочем, и моей ...»

Главенствующим делом жизни моего супруга – да, впрочем,
и моей —

Я назову бесчисленный поток летящих дней,

Который уж почти как тридцать лет,

Помимо творчества и пополнения знаний,

Был посвящён преподаванию

В Сокольнической детской музыкальной школе

Среди детей, которые все наши —

Всей юной в чём-то бестолковой и смешной команде.

Супруг для них и где-то воспитатель,

Но прежде педагог —

И дисциплин теоретических по композиции

Для тех, кто одолеть их смог,

И джазовой импровизации, кто в обучении хотел радеть,

И концертмейстер неизменный в школе и в оркестре школьном,

И на бесчисленных концертах выездных

С его аранжировками произведений,

А также собственных работ,

Любимец всех детей за свой профессионализм

И интеллект, и чувство юмора, умение увлечь их творчеством,

Да и умение зачастую им помочь

В их нежелании заниматься и собственную лень преодолеть

В своём нелёгком кропотливом деле обучения изящнейшим
искусствам.

И первые ученики уж выросли и семьями обзавелись,

Иные в музыку пошли, полученными от него

Теоретическими знаниями по композиции блистают,

А кто и нет, но неизменно шлёт ему привет,

Когда ученики и их родители

Его в Сокольниках встречают

На протяженьи многих лет.

Доктору А. Н. Мансурову

Кто чрез спасительные руки доктора от Бога не прошёл,
Со стороны тому не осознать,
Как ювелирно точен труд хирурга,
Как напряжённо должен он часами
Изъяны непростые пациентов врачевать.
А я, как ива – та, что гнётся, не сломавшись,
Не сбрасывая даже в холода зелёный лист,
Под каждым взмахом чуткого хирурга возрождаюсь
И духом совершенней становлюсь.

Послание доктору А. Н. Мансурову

Не на Олимпе днесь великие ваятели
И ворожеи призрачных судеб,
И не в скульптурных мастерских из мрамора создателей
Воображенья чувственных потех.
Великие ваятели, что от земных корней,
Взрастившие бесценное искусство
Изъяны человека с блеском врачевать
И возвращать художнику утраченное им на время чувство,
Чтоб в области бессмертного искусства
Он вновь сумел для человечества дерзать.

Осень

Цветы осенние полны красы прощальной.
В саду увидев хризантемы лик печальный,
Отринь от сердца грусть об улетевших летних днях:
Ведь всякая пора и в жизни, и в природе
Зерно златое для себя находит.

Осень в Вороново

Кто пережил чудесное прикосновение первое любви,
Тот знает, как охватывает пламя
Восторга от пылающей крови,
Как осени волшебные чертоги
Вдруг вспыхивают светом неземным,
И золотые райские сады,
Дотоль неведомые вам,
Где обитают только боги,
Распахивают сказочные двери
В свой ослепительный заветный храм.

И снова Саяны

Пухом одуванчика улетело лето,
Но воспоминанием сердце вновь согрето,
Вновь лечу над миром птицей перелётной
В грёзах впечатлений путешествий взлётных
И витаю в мыслях над Саяном спящим,
Над грядою горной, в облаках парящей.
Вновь стою на пике горного массива —
Дух витает птицей, птицею счастливой,
Над речным разливом средь Саян могучих
С их сливаясь духом вечности и силы.

Дух впереди меня бежит

Дух впереди меня бежит,
И успевать за ним мне надо —
Не думать ни о мелочном, ни о пустом,
А жизнь моя – душе отрада.
Какое счастье просто жить!
Природы мир боготворить
И удивляться зорям летним,
И лёгкой птицею парить
В дни непростого лихолетья,
И уносить свою беду
Подальше от дурного взгляда.
Помочь себе сама смогу,
Лишь только мне вредить не надо.
Я снова крыльями взмахну
В Ергаках на крутой вершине,
И снова дух мой воспарит
Над чудной плюшевой долиной,
И обниму простор Саян
Я необъятными крыльями,
И душу миру распахну —
Всю душу, – духи гор,
Парю я на вершине вместе с вами.

Монастыри Москвы: Донской монастырь

Иконостас взметнулся ввысь,
Сияя позолотой дивных кружев,
Великих зодчих, мастеров
Баженова и Клаудио – с ним вместе,
И дивные полотна возвещают нам о житии святых,
Иконы Иверской и Всепослушной Богородицы Донской —
И изумительная люстра освещает лики их.
С высоких хоров льётся песнь семинаристов,
Сплетаясь с тенями от множества свечей,
И дух намоленный, витая в поднебесье храма,
Сияньем отражается в зеркале их очей.

Высоко-Петровский монастырь

Здесь жизнь с эпохи Калиты
Текла в молитве, в послушаньи,
Пред исповедником миряне
Вели здесь тайные признанья.
И трапеза на двести лиц,
Высокий свод над головой,
И дух высокий без границ
Царил в обители святой.
Лак реставрации увёл в преданье
Намоленности дух и послушанья,
И ныне, как музей, собор хранит завет
Истории те ярких лет.
И Тамерлан оставил свой набег на Русь,
Во сне заступничество Богородицы признав —
Так высшая духовна сила,
Легенде следуя, войска несметные их вспять поворотила.
А староверы на Руси не пили, не курили,
Купцы держали неизменно слово
И были поддержать всегда готовы
Товарища в артели в трудный час.
Собор, поддерживая их труды,
Предоставлял им склады для хранения снеди —
Ведь, знамо дело, без еды
Не очень-то придут силы.
Нарышкиных палаты в ряд
О родовом гнезде Петра здесь говорят.
Нарышкины и Боголюбские здесь скрещивали шпаги
В борьбе за первенство, что из истории известно нам,
Не уступая в родовитости, да и отваге,
В итоге мирно трон делили пополам.
И Пётр святой, и Пётр Великий
Оставили в истории свой яркий след —
Один духовностью и послушаньем,
Другой в дерзании осуществленья
Великих для Отечества побед.
И о стрелецких бунтах память здесь хранится:
Ведь кровь людская – не водица,
Пред волей царской должно бы смириться.
Да только есть всему предел.
И серый лемех, злато куполов,
Шатровый древний храм, стрелой летящий в небо,
Преданий сколько в памяти хранит,
Где обитает быль и небыль.
Призывный звон колоколов
И таинство служенья в храме говорит —

Высокий дух в сердцах служителей царит
И оставляет веру нам в наследство,
Святую веру во грядущую эпоху человечности,
Духовности, добрососедства.

Николо-Перервинский монастырь

В те стародавние былые времена, при наводненье,
Река Москва вдруг прервала свой бег,
В былое русло не вернулась —
Оно тогда ушло в забвенье, —
Петлёю чудной изогнулась,
Излучиною обозначив свой побег.
Там дивный белоснежный монастырь
Расцвёл небесно-голубыми куполами,
Там храм о золотой главе с высокой звонницей поющей,
С призывным колокольным звоном,
Иконостасом, затканным златыми кружевами,
Сияющими росписями Васнецова
С призывною молитвою с амвона,
Священнодействиями в алтаре
И пением на поднебесном клиросе семинаристов —
Они не об одном же хлебе живы.
Их взгляд глубокий родниково-чистый
О вере искренней их говорит,
О той, что зачастую чудеса творит.
Их дух служенья окрыляет
И укрепляет волю их в деяниях благих.

В саду цветы

В саду цветы всё о тебе мне говорят,
И у нарцисса будто твой лилейный взгляд,
И ароматы роз сравню с твоим дыханьем,
И у ромашки испрошу с тобой свиданья,
Цветенье нежное лилей
Сравню я с нежностью твоей.
Здесь всё дыханием твоим объято,
Здесь образ твой витает грёзою крылатой.

Времена дня: день

День полон суеты сует,
В нём сладостным раздумьям места нет —
Как вечный двигатель кружит в водовороте
Насущных дел, решений и побед.
Лица в нём не ищи, скорее он безлик,
Но он несёт в себе заряд могучий
Для созиданья и для ратных дел —
Таков его мирской удел.

Вечер

Теплом домашним вечер окружает,
Где даже стены защищают от невзгод мирских.
И с мудрой книгой, мысли автора душою разделяя,
Мы совершенствуем познания свои.

Ночь

О ночь, царица-ночь, крылатая богиня —
Хранит нас в колыбели снов
И гонит все печали прочь,
Дарует нам блаженство забытья
И на своих волшебных крыльях
В заоблачные грёзы нас уносит.

Утро

Ах, утро, прелести полно —
Восхода солнца торжество
Струит свои лучи
Сквозь приоткрытых век дремотные ресницы,
И вы уже готовы
спорхнуть со стрехи мира лёгкой птицей
Во вдохновенный труд —
Труд творчества своей души.

Родник любви

В женщине имеет место быть
Изыск, и ум, и сила воли,
Коль не томиться ей в неволе
Руководящих грозных сил —
Что делать, как ей жить.
При ком и для кого служить?
Да и никто знать не желает,
Какие чувства в ней пылают
И что в мечтах она лелеет,
И как душа в ней не стареет.
Да и никто знать не желает,
В каких мирах дух творчества её витает,
И в непризнании томится,
И отчего ей по ночам не спится.
Ведь никогда никто не спросит,
Что в жизни горечь ей приносит,
И вянут втуне неспроста
Её любовь и красота.
Не поклоняются Мадонне,
Не видят в ней родник любви,
Лишь только ветер в горе стонет,
Как отзвук горестной судьбы.

Амазонка-воительница

Случилось в жизни амазонкой быть
И вращивать в лихие дни
Ту психику бесстрашную,
Что, закрывая словно бережным щитом,
Защитой станет вам служить —
Не столь себе, а беззащитным людям
И неустроенного общества удар держать,
Отважный словно в поле воин,
И виду никому не подавать,
Что слёзы горестные душат —
Наперекор всем злым ветрам
Духовный статус не нарушить.
Держись, поэт, в лихие дни!
Ты человеком быть достоин.

Разговор четырёх стихий

Огонь: Я всех, пылая, согреваю.
Вода: А я твой пыл всегда смиряю.
Воздух: Я надуваю паруса,
Гоняю тучи в небесах.
Вода: А я близ вас снежинкой таю.
Земля: Я мать-земля, всему исток,
Но без воды и без огня
Скорей бы не было меня.

Чудо-яблонька

Уродилась яблонька —
Краше не бывает,
Белой пеной нежится
Цвет душистый в мае.
Злая буря яблоньку
Загубить решила,
Вихрем корень вздёрнула
С бешеною силой.
Мать-земля невестушке
Не дала загинуть —
Нет у ветра моченьки
Землю с места сдвинуть, —
Удержала деревце
Крепкими корнями,
Возродила яблоньку
Считанными днями,
Одарила красочным
Дивным урожаем —
Яблоки рубинами
На ветвях сияют.

Детство

Довольно странное виденье —
И, если верить детским снам,
Лишь я взлетаю к облакам,
То путаюсь в густые провода:
То ль то людские козни, то ль беда,
То ль нежеланье провиденья,
Чтоб в космос улетела навсегда.

Я в детских снах в безбрежный космос почему-то на ракете улетала

Я в детских снах в безбрежный космос почему-то на ракете
улетала —
Не самолёт, не крылья, а ракета
Несли меня в таинственный мир звёзд,
И там, в заоблачной чудесной дали,
Мы на волшебной флейте с сонмом звёзд играли,
И музыка космической души меня переполняла,
И взор сиял среди звёзд счастливою звездой.

Приазовская степь

Я в раннем детстве полюбила степь,
Её необозримые просторы
И ветра вольного свободный бег,
В ночи сверчков звенящие пронзительные хоры,
Дружила с вольным ветром в поле
И в небе синем с солнцем золотым,
Довольствуясь раздольным сим привольем
И чистым воздухом степным.
А бегать приходилось только по дороге,
Не исколоть чтоб об колючки-ёжики босые ноги,
С весёлым ветром наперегонки.
Вернуть хотя б на миг те вольные деньки!

Раннее детство. Село Рассвет

Вблизи сивашских горьких вод
Раскинулась бескрайняя долина.
Село Рассвет там по весне цветёт
Чудесными душистыми садами.
Там детство раннее моё,
Гуляло по степи, сбивая ноги,
Рассвет встречало дивный и задумчивый закат.
Я слушала, как там удод поёт
На крыше хатки при дороге,
И засыпала под сверчков звенящий хор
В сиянии фитильной лампы,
И с бабушкой вела полночный разговор,
Валетом примостившись к ней на лавку,
И вольной ласточки полёт
С её весёлым пересвистом
Сопровождали грёзы взлёт
За нею вслед в простор лучистый.
И улетело детство вдаль,
Оставив лишь воспоминанье,
Но, возвращаясь иногда во снах,
Дарит своё лучистое признание.

Чудо-журавель

Тепла исполненные солнечные дни —
Как душу радуют они!
Среди степей живёт там над колодцем чудо-журавель,
Бессменный сторож здешних всех земель,
Несёт свою простую службу —
Ну как в жару в степи на самом краешке села
Бывает всем он нужен!
Он щедро поит взрослых и детей,
И стадо скученных овец, коровок рыжих, лошадей,
Ведь всем известно: без воды
И ни туды, и ни сюды,
Особо в приазовской той степи.
Бессменный журавель на той равнине
Стоит, наверно, и поныне
И слышит по ночам степных сверчков немолчны хоры,
И с звёздами ведёт любезны разговоры,
Да и со мной, бывает, говорит,
И до сих пор во снах тот журавель
Со мною в детство нежное летит.

Удивительный удо́д

Изящнейшая птица – веерный удо́д,
Что чаровала в детстве опереньем
И настороженным своим негромким пеньем:
– Ах, кто идёт? Ах, кто идёт? Ах, кто идёт?
Известно, что удо́д в неволе не живёт,
Так и моя душа в людской толпе томится,
И если кто-то в мир души моей пытается пробиться,
Я про себя в волнении пою:
– Ах, кто идёт? Ах, кто идёт?

К 700-летию города Клина

Куда ни кинь, повсюду Клин —
Да не повсюду, он один
На берегу реки Сестры стоит
На Клинско-Дмитровских холмах.
Река Сестра гордится братом,
Земля историей богата
Застройка начиналась, говорят, как будто клином,
А по-другому говорят,
С подола платья клин оторван был у Катерины,
Когда наведалась она в сии места распорядиться
В три русла отвести реки Сестры водицу.
Кто знает, чей же верен тут рассказ?
Но есть ещё один реальный сказ,
Что состоялся Клин, поскольку по Тверскому тракту
Через него везли купцы товары в град-столицу.
И древние торговые ряды
Стоят в Клину до сей поры.
Не чужда клинская земля изящнейшим искусствам:
Чайковский и Танеев здесь оставили свой яркий след,
Один музей наследие хранит,
Второй же в ожидании реставрации томится.
И цветоческий оазис с именем «Победа»
Прекрасные цветы клинчанам в праздники дарил,
Промышленный Пятьсот Седьмой,
Термометровый и «Лаборприбор»,
Чем Клин гордился, канули как будто в воду
В эпоху перестройки незабвенной,
И юный мир о них забыл.
А некогда Клин славен был мануфактурой ткацкой,
Да и скорняжных заведений много был в нём,
И обеспечивали граждан тут не только сапогами,
Но и штиблетами, и платьем —
Одеты и обуты были славно собственным сырьём.
Но город хорошеет с каждым днём —
Дворец ледовый появился в нём,
И ДШИ на загляденье,
Как в сказке дивное виденье.
И набережная приобрела спортивный вид,
И это о заботе мэра говорит.
Желаю долгих лет тебе, старинный город,
И чтобы дух твой был всегда могуч и молод.

Отчий дом

Есть в Подмоскowie чудный городок, зовётся Клин
Уже почти семь сотен лет.
А вы хоть раз бывали в нём?
Там родилась я, был там отчий дом —
В расположении военной части,
Что звался «дом полковника слепого», —
На берегу реки Сестры стоял
Средь рукавов её, ольхою обрамлѐнных.
Осталось там и детство опалѐнное,
Да и отрочество моѐ,
Где босиком я бегала по травам,
Где сны свои в альбоме детском рисовала,
Где грезила, мечтала и летала
Среди кувшинок жѐлтых, ирисов, осоки
С цветными бабочками наперегонки,
Плела среди цветов венки —
И оными чело своё венчала,
Как утра светлого начало.
Там вѣсны бурные встречала
И слушала, как речка лёд ломала,
И первые подснежники искала у реки,
Что россыпью сияли средь ольхи.
Зимой в снегах пушистых утопала,
На лыжах и коньках, как метеора, летала,
И за окном снегирь меня дивил,
Что на сирени почки теребил.
Стрижей отлѐт осеннею порою
Я грустно провожала и мечтала
За ними вслед лететь в неведомые дали,
Чтоб посмотреть, что там за горизонтом —
Быть может, от людских обид там нет печали,
А есть страна волшебная из грѐз,
Где радость творчества царит
И где не знают горьких слѐз.

Душистое цветенье сада

Душистое цветенье сада
И дивное дыхание сирени
С приходом солнечной весны,
Как будто в сладком сне,
Одаривало вдохновеньем.
Дурман цветущих лип,
Шиповника пьянящий аромат,
Айвы японской нежные флюиды
Являлись мне как дивный райский сад,
И, затаившись от дворовых недругов в густой траве,
Свои волшебные мечты лелея,
Парила над цветущей землёй,
Как маленькая золотая фея.

Летающие коньки

В далёком нежном детстве
Фигурные коньки мне были как для птицы крылья,
И я скользила ласточкою дивной
По глади зимнего замёрзшего пруда,
И не беда, коль мой полёт
Сменялся вдруг скольжением плашмя —
Понаблюдать таинственный подлёдный мир
Мне представлялся редкий случай.
Как под прозрачным льдом,
Где, словно под стеклом,
Чернящий жук-плавун вальяжно проплывает,
Резные водоросли мир сей обрамляют,
И ты вдогонку рыбкою за ним скользишь.

Летающие лыжи

На лыжах, как и на коньках,
Зимою снежной приходилось мне летать
С высоких клинских гор пушистых —
С таких высот, что аж захватывало дух,
И представлять себя снежинкой серебристой,
Летающей над белоснежною спящею землёй,
Украшенной орнаментами россыпей коричневых семян липы
На лаковых покрывах настом блестящих снегов,
Как будто праздничный пирог,
Усыпанный корицею душистой,
Который мама нам пекла и для гостей,
И даже для моих прелестных кукол —
Для милых кукольных друзей
На Новый год, который мы встречали
Ещё неразделённой нашею семьёй,
И мир был сказочней, уютней и теплей.
С тех пор семья моя мне только снится.

Бывало и такое

Зима в то время испытанием для нас была —
В мороз наш дом лишь маленькая кафельная печка согревала,
И для неё мы с мамой уголь и дрова
Возили по частям на хлипких детских санках
Из кучи дров, что свалена была с машины у моста
(От нас в трёх километрах:
Подъезда к дому вовсе не было у нас тогда.)
И после этого в сарае
При минус тридцати
Большие чурбаки на части надо было распилить,
Чтоб, разрубив потом их на дрова,
Возможно было ими печку растопить.
И я в помощниках у мамы в минус тридцать,
Пытаясь из последних детских сил
Двуручную пилу к себе тащить,
Она же, извиваясь, в древе застревая,
Никак не хочет каменный чурбан пилить.
И вот под мамины стенанья и призывы не сдаваться
Нам удавалось с горем пополам
С дровами до печи добраться
И наконец-то печку растопить.

Сказочный Палех

Как Палех в детстве чаровал —
Не передать сие словами!
И в книги с Палехом войти
Так запросто могла тот час
И, уверяю в этом вас,
Могла там прогуляться я
Средь рощ его цветных кудрявых,
Из голубого родника воды испить,
И в хороводе с девами кружить,
И в новогодних их участвовать забавах.
Мир Палеха был для меня
Чудесной сказкою объят:
В любую пору цвёл там дивный сад,
Со мною распевали песни птицы и цветы,
И музицировал Эол на струнах арфы золотых.

Ностальгия. Остров детства

И вновь я у реки Сестры
Стою у пепелища дома
И обнимаю лип возросшие
В синь необъятную небес стволы,
К ним приникая сердцем, словно к давним
Златое детство помнящим моё знакомым.
Теперь одни лишь эти липы остров детства стерегут
И в памяти хранят бывшие дни,
Когда шатрами золотыми, цветением медовым
Так душу радовали детскую они.
Но дважды в реку не войдёшь —
Она уносит вдаль бывшее,
Да и река уж не река —
Вкруг вас заросшее озёрье.
Но в парке у реки ещё благоухают розы,
Чаруя вас своей неувядающей красотой,
Моё воспоминание о детстве нежном – те же розы,
Что, не прощаясь с прошедшим летом,
Одаривают вас своим незабываемым чудесным ароматом.
И изумительным роскошным цветом.

Космическая ёлка моего детства

Другая сказка у игрушек
На ёлке детства в Новый год:
В хвое там дирижабль плывёт,
Взирая с ели вокруг вальяжно,
С символикой СССР,
И космонавта два отважных
Берут космический барьер.
И Стрелка с Белкою бумажной
Летят в космический простор,
И первый спутник, наш советский,
Шлёт позывные с ёлки детства,
Вплетаясь в их совместный хор.
Рубин звезды их осеняет
С наверхья ёлки в Новый год
И вместе с ними приглашает
Нас в общий сказочный полёт.

Отец

Я копия отца, и с малых лет
И по характеру, и внешне
Крылатая художница-поэт.
И в творчестве своём витаю в облаках —
Но я в своих и грёзах, и мечтах,
А мой отец летал в Отечественную
Стрелком-радистом на военном самолёте,
Как на ладони, под смертельными прицелами,
Прекрасно видимый в прозрачном куполе кабины,
И штурманом в полярной авиации затем дерзал,
Где компас крутится, как бешеный,
Без указания направленья
И штурмана интуитивное виденье
Там выручало всякий раз.
Не хуже Аккуратова отец летал,
Да только вот о нём никто упоминать не стал,
Вот и упомяну я об отце своём, участнике войны,
Две трети жизни пролетавшем в небе.
И подвиги отца, как и его танкиста-брата,
Который тоже был участником войны,
И дяди их, сражавшегося храбро
Ещё в годину Первой мировой
И жизнь отдавшего за Родину на поле боя,
Мы предавать забвенью не должны,
Мы все участники Бессмертного полка в наш День Победы!

К отцу

Минуло уж как девяносто пять годков с рождения отца,
И фотографию его в военной лётной форме
Храню я до сих пор:
Ведь я всецело копия его.
Хоть было много и обид,
И сердце чуткое щемит,
Но я, отец, тебя не забываю
И светлые моменты в жизни вспоминаю:
Как для меня большого мишку рыжего ты из полёта привозил,
И я воскликнула в восторге «Ах, какая мишка!»,
И как скворцом-игрушкой однажды ты меня будил,
И как на речке в три захода плавать столь настойчиво учил,
Поочерёдно то бросая в воду, то спасая из воды,
И как морзянке ты меня учил,
И как сказал однажды при случайной встрече:
– Ты отчего же после школы не пришла?
Я мог тебя устроить стюардессою летать,
Могла бы мир в полётах повидать.
Я повидала мир без помощи тебя, отец.
Но дух крылатый подарил мне
От твоего лица Творец.
Ах, сколько утекло с тех пор воды!
И от родителей развода натерпелась я беды.
Известно, дважды в реку не войдёшь
И ничего из прошлого уж не вернёшь,
Но как бы ни было, нетленна память о тебе, отец,
Фамилией своей горжусь,
Призвание и титулы с достоинством несусь.
Ты в памяти моей, отец, живёшь.
P. S. Добился б ты высоких званий,
И на гражданке путь бы твой был славен,
Коль не увлёкся б ты спиртным
И похождения по чужим домам оставил.
А на гражданке же, отец,
Твоею жизнью, зная, злой демон правил.

Мама

Моей любимой маме выпало родиться
На берегу Причерноморья
И позже жить пришлось
Средь приазовских соляных степей.
Достался ей голодный тридцать третий при рождении:
Ей вместо молока грудного жмых давали, —
В пять лет своих тогда она пошла едва ли, —
И все невзгоды запустенья оккупационных грозных дней.
Уже в свои тринадцать лет
Она достаточно хлебнула бед:
В конце войны ушла в детдом,
От смерти с голода свою спасая мать,
Поскольку старшая сестра заставила коровку их продать —
Ту, что не тронули в войну и оккупанты.
Своих сестрёнок младших выручать по окончании войны
Она поехала к отцу в столичное предместье.
Отец лукаво обещал её учить,
Но лишь поставил у печи.
Всё ж помогла сестрёнкам встать на ноги,
Преодолевая и усталость, беды и тревоги,
Стояла у печи в свои тринадцать лет
И выпекала хлеб для нужд народа,
Что было в ней её призваньем
Простому человечеству служить,
И чтобы сёстры одолели семилетку,
Хотя сама была лишь малолеткой
И больше всех стремилась к знанью.
В замужестве была красавица, певунья
И танцевала лучше всех в военной части,
Где мой отец служил и где тогда моя служила мать.
Любое платье было ей под стать,
И фраза мамы «Надо вид иметь»
Ей позволяла не стареть.
Не передать словами,
Как пели на два голоса, сердца тревожа,
Она с моим певучим дедом —
Мурашки бегали по коже.
И оживал бескрайний мир степи раздольной,
За песней этой вслед всё замирало,
Внимая песне их души привольной.
И кулинарные таланты
Всегда стяжали ей успех.
Работа спорилась в руках —
По пять работ тянула враз,
И никакой труд был не в тягость.

Как утром встану – на работу матушка ушла,
Ложусь спать – ещё с работы мама не пришла.
Но для меня ведь мама лучше всех
В те дни в меня вселяла радость,
Но в десять лет моих мои родители расстались
И позже разбежались кто куда,
Оставив мне в наследство
Незащищённое от издевательств двух соседей
Моё пронзённое тревогой детство,
А с ним судьбу тревожных дней
Скитаться среди чужих людей.

К маме

Какое счастье было в детстве
С любимой мамой рядом быть,
Хоть с ней выдаешься и редко,
Её заботу о тебе, как благодать с небес, ловить.
Такое счастье осеняло лет по десяти,
А в остальном пришлось по терниям дальнейшей жизни
Дорогой длинной и мучительной идти.

Увещевала мама в детстве

Увещевала мама в детстве:
Поскольку мы семья военных
И дан был стойкий дух тебе в наследство,
Будь стойкой, как в строю солдатик,
И свой настрой держи готовым
И к испытаниям суровым.
Мне их хватило в жизни вдосталь.
Ах, мама, как же были мне нужны
В минуту трудную твоё участие и дружба!
Вот так пришлось одной мне отбывать
Свою немереную не по силам службу.

Мне мама колыбельные не пела

Мне мама колыбельные не пела
И сказки не рассказывала на ночь —
Одна на всех пяти работах
Телегу жизни героически тащить умела,
Но прелесть окружающей природы
Она в раздольных песнях воплощала.
Случалось если с дедом петь ей песни,
Но чаще лишь со мной вечер,
Так мир души своей она в тех песнях раскрывала.

Как песни с дедом пела мать

Как песни с дедом пела мать,
Мне б вам хотелось рассказать.
Полёт их духа в песне вольной
Возможно ли словами передать?
Два дивных голоса, в один поток сливаясь,
Рождали красоту родного края —
Прибрежные поля пшеницы золотой
И в алых мальвах силуэты хаток белых,
В садах рубинов россыпь вишни спелой,
Сверчков в степи немолчный строй,
Азова волн зовущие за горизонт напевы,
Свящийся в ночи песок на взморье
И лёгкий вздох пурпурного заката —
Всё это будто из забытых детских снов
Вновь пронеслось пред взором вольницей крылатой.

Бывает, песни мамы и во сне пою

Бывает, песни мамы и во сне пою,
И чутко голос в них её ловлю,
И вместе с ней, как в детстве, мы два голоса вечер поём
О вольнице степной былых времён,
О вольном соколе, свою что ищет долю,
О лунном чёлне, что блуждает в лунном море,
И о невидимых сверчках – певцах ночных степей,
И о садке вишнёвом возле хаты,
Где распевает звонкий соловей,
И о солёном ветре – страннике морей.
Уж сколько лет минуло, а в душе моей поёт
Её души неугасимый пламенный полёт.

Маме

С днём рожденья, светлый ангел,
Мама милая моя!
Где бы ни была, тобою
Жизнь моя озарена.
Ты мне радость в светлый праздник,
Утешенье в день лихой,
Два зерна мы в этом мире —
Ты да я, да мы с тобой.
Я твои целую руки,
Твои милые глаза.
Образ твой в часы разлуки
В сердце я храню не зря.
Коль в моём живёшь ты сердце,
Не прошёл ещё твой век,
И твой лик, святой и нежный,
Я храню как оберег.

Разговор с портретом мамы

Слышишь, мама, вечерами
Дочь с тобою говорит,
Отчего не сплю ночами,
Отчего душа болит.
Я в портрете воплотила
Дух твой светлый и родной,
Я стараюсь что есть силы
Быть достойной и живой.
Да, живой, ты только знала.
Как мне достаётся жизнь,
И что я не унываю,
Говоря себе: держись!
Да, держись, коль выпал жребий,
Предназначенный тебе,
Стать легендой в этой доле
Злой наперекор судьбе.

Храню я верность маминым заветам

Храню я верность маминым заветам —
Что надо людям помогать,
И если зачастую сил нет, то хотя б советом,
Испросят коль, как гордиев им узел развязать,
А коль материально туго,
Последним поделиться с другом
И подарить улыбку или стихотворное посланье
О красоте души и мироздания,
И поддержать их в трудный час —
Ведь сколько жизни той у нас!

Памяти моей бабушки Елизаветы Васильевны

В короткой нашей встрече в детстве, в солнечном Бабкенте,
Елизавета, бабушка моя,
В нетленной памяти жива
На фотографии красавицей с сияющим лицом,
Когда она на городских балах блистала,
И грацией своей, харизмой и умом
Меня в её воспоминанья приглашала
Об этикете, нравах и хорошем тоне тех времён.
И я в свои шесть лет ей поверяла,
Что стану продолжением блистательных имён.

Осенние мелитопольские сады

Мне вспомнился забытый аромат
Той мелитопольской поры осенней,
Что сладкой пряною волной
Окутывал дремавший сад.
Плод сливовый алел, благоухал под пологом листвы
Шикарный винный виноград,
И от земли там исходил пьянящий аромат —
Плодов опавших лёгкое брожение,
Кружило голову в букете запахов осенних,
Рог изобилия садов
Был полон щедрых солнечных даров.

Село Косы (фрагмент)

В Кирилловке под Мелитополем
Моя когда-то мама родилась:
Пришлось мне в тех краях однажды побывать —
В том доме, где и мамина жила когда-то мать,
Моя родная бабушка Веруня,
Которая давно уже не с нами.
Село же Косы, где была я, окружали
Бескрайние сады, благоухающие сливы спелыми плодами.
Обширный дом, при нём и сад,
На лозах спелый виноград —
Всё ностальгией здесь дышало.
Когда-то бабушка моя,
Чтоб повидаться с отчим домом,
Свой путь, что в сорок километров, одна пешком одолевала —
Такие были времена.

Весна поэта

Коль уж любить, то лишь любить любя,
И пламенно, самозабвенно:
Сгорая, позабыть себя,
Отдаться неземному чувству, что нетленно,
Боготворить движения души,
Что расцветают дивным цветом,
Избранницу лелеять, как мечту,
Воспетую влюблённостью поэта.

«Внемлите: у художников ведь всё не так, как у людей...»

Внемлите: у художников ведь всё не так, как у людей,
Ведь всё не так, вы вникните в их суть:
Ужели постоянно надо объяснять,
Как смог ты в трёх соснах блуждать,
Как, оторвавшись от земли в астрал,
Вдруг сознаёшь: куда же ты попал? —
Когда на землю вновь вернулся.
Когда же надо абстрагироваться от беды,
К земным корням приходится призвать,
И по весне вновь отправляешься искать в природе вдохновенья.
Земные корни неизменно вас к себе влекут,
Природой указуют к возрожденью путь —
К той вечной юности весны,
И сам частица коей ты.

Коль юным утром

Коль юным утром дух возжаждет славы,
Так рады горы мы свернуть,
И, сильными взмахнув крылами,
Днесь проторяем к звёздам путь.
Коль зрелым днём мы ищем творчества признанья.
То поневоле вопрошаем дух —
По силам горы ль нам свернуть,
Коль бесконечные преграды
Сопровождают торный путь.
Преклонным вечером уже почти не ропщем:
Препоны могут ведь свести с ума,
Коль в мире нами управляет.
Пожалуй, лишь судьба сама.

Наша питомица

Жила у нас на редкость синеглазая подружка —
Не плюшевая редкая игрушка,
А подарили нам лабораторную цветную чувачишку.
С подарком сим хватили люди лишку:
Соседей кошки – крыске лютый враг —
Уж заселили наш общественный очаг.
Но мы о том нисколько не пожалели
И о питомице своей радели,
От кошек наших берегли,
Хоть те всё время крыску стерегли
И ревновали нас к ней неизменно.
Чтоб кошки не могли её достать,
Нам приходилось даже иногда её за пазухой таскать,
Когда на общей кухне были заняты делами.
И как же удивляла нас она подчас,
Когда общалась с нами языком своим чувачишиным —
То были изъявления души её мышиною.
Её акробатических этюдов пластику и стать
Нам приходилось вечерами наблюдать:
Её попытка пробежать по скользкому ковру нас умиляла —
С отважным вертикальным взлётом
Вмиг продолжалась планерным полётом
И завершалась приземлением плашмя
С готовностью всё повторить сначала.
И как вольготно было ей в диване жить
И гнёздышко своё ревниво сторожить,
В нём наводить свои порядки
И удирать туда от кошек без оглядки.
Цветочки в вазе вызывали неподдельное влечение:
Добраться до нектара первым делом
Вело неудержимое стремление.
Букет же оставалось только пожалеть,
Что не успел на потолок взлететь.
Всё это вспоминаем с ностальгией —
Теперь у ней пути небесные, другие.

Викуньи

Средь Андских гор живут прелестные созданья —
Викуньи нежные с глазами ангелов,
В себе таящих тайны мирозданья.
Их лебединой шее позавидует любой,
И их душе, так любящей простор,
И шёлковой тончайшей шерсти,
Спасающей от холода туманных гор.
Находят и в ночи они у горцев здесь приют
И с огненными ламами, пушистыми альпаками-друзьями
По горным тропам бродят вечерами.
И коль отважитесь вы в тайны Анд однажды заглянуть,
Вам в этот горный край судьбою предназначен будет путь.

Поэтическому салону «Крылья души»

Какая радость – с «Крыльями души» опять мы вместе!
Ведь с вами мы, как два крыла,
Парим в волшебном поднебесье,
Где греет наши души мир сердечного тепла,
В виденьях чудной красоты,
Что дарят дивные мгновенья
Вершить полёт своей мечты.

Коль ты мечтательный поэт

Коль ты мечтательный поэт
И в сердце нежные эмоции лелеешь,
То и в лихие дни
Ты и спартанец, и аскет,
И, защищаясь от вторженья зла
И от безумья мира,
В своём духовном творчестве находишь ты спасенье,
А посему у мира есть надежда,
Что состоится всё ж Эпоха Возрожденья
И одолеет Тёмные Века
Искусств спасительный Рассвет.

«Кто знает, что астрал реальней иллюзорного земного бытия...»

Кто знает, что астрал реальней иллюзорного земного бытия,
В нём, светлом мире грёз, в воображении волшебном,
Парю свободным духом совершенным
И проецирую на полотно
Духовный мир нетленный.

Моим друзьям бесценным я скажу

Моим друзьям бесценным я скажу:
Нет, не погибнет мир,
Пока в нём есть те души светлые,
Которые блюдут достоинство и честь
И в добросердии своём
Таланту не дадут погибнуть.

Благодарение сердцу

О сердце! Я хочу тебя благодарить
За то, что даришь силы жить,
Изъян врождённый свой умом одолевая,
Само себя вновь возрождая,
Даёшь возможность созидать,
Мир, удивляясь, постигать
И быть певцом могучей воли.

С. Б.

Взвивались искры от костра
И рассыпались в чёрной бездне,
Он пел Высоцкого тогда,
И лес внимал надрывной песне
О тех конях, что краем бездны
Во мгле ночной его несут,
И о душе его безбрежной,
Неведом коей был приют.
И пламя жгучего костра
Плясало в глубине зеницы,
И песнь летела в небеса
Надрывной раненою птицей.

Такой изменчивый геном

Разнообразных персонажей
Моих графических работ
Эпигенетикой нарекли,
Но дело, видите ли, в том,
Что эти знатоки ещё в конце восьмидесятых
В моих графических работах
Из серии «Психомутации»
Свою эпигенетику успешно разглядеть смогли.
Ведь образ жизни человека изменяет
Не только фенотип, но и геном,
И потому в потомках могут всплыть
Любые свойства личности конкретной,
Что были возвращены в течение жизни,
Причём не только в позитивном смысле слова.

Космос

Коль ты с интуитивным осознанием рождён,
Что существует всеобъемлющий извечный
Загадочный вселенский разум,
Миропорядок коего непостижим,
И бесконечность времени, пространства,
Энергии и вещества,
Где биосфера – неотъемлемая часть Вселенной,
То поневоле задаёшься мыслью,
Как космосом сей разум правит
И по каким законам он осуществляет
Свою непостижимую и всеобъемлющую власть,
И как из хаоса явлений
Форм совершенство создаёт,
В каких глубинах космоса таится
Загадки этой разрешенье.

«Во всякой дисциплине важно принцип осознать...»

Во всякой дисциплине важно принцип осознать,
Решение какое руководством к действию избрать,
Чтоб ясно стало, от чего и как плясать.
И то же самое для дела пригодится,
Коль вам до сути докопаться надобно решиться.

Вселенная и жизнь

Вселенная и жизнь – они неотделимы неизменно.
Как свет пронзает ночи тьму,
Так жизнь и мысль в бескрайнем космосе сквозят
Во всяком атоме нетленном,
Даруя миру одухотворённость и высокий смысл.

Метро

Метро нас с детства изумляет
Подземными дворцами, витражами
И историческим ваяньем,
На «Комсомольской» коринской мозаикой дивит.
Метро от пробок на дорогах нас спасает,
Что тормозят бег наверху,
И от нещадных холодов оберегает
Морозов лютых на ветру.
А метростроевцам, что проложили
Для нас великие пути,
Весной, для нас столь долгожданной,
Нам должно благодарность принести.
Их труд и лица на плакатах
Тех первых метростройных лет
Ожили на стенах подземки в память тех,
Что возглавляли первые проходки,
Как в песне, «от Сокольников до Парка на метро».
Дворец с высоким сводом элегантностью сияет
И витражами многоликими встречает:
Добро пожаловать в подземные дворцы!

Московский особняк Усачёвых – Найдёновых

Москва первопрестольная,
Что на семи холмах расположилась —
И на одном из них строенье дивное явилось:
Своей фантазией Жилярди чудный особняк создал
И холм у Яузы-реки дворцом прелестным увенчал.
И дрёмные скульптуры в парке вам расскажут о былом,
Как в павильоне чайном братья Усачёвы
Вели беседу светскую и чайный церемониал,
Как в музыкальном павильоне дивно музыкант играл,
И о балах в особняке по вечерам под ясною луною,
И о влюблённых парах, затерявшихся в аллеях парка раннею
весной,
И об изысканных манерах, к сожалению, ушедших в Лету,
Но дух аристократии наследный
Всё ж неотъемлемо живёт в душе поэта.

Парк особняка Усачёвых – Найдёновых

Золотоглазая луна скользит средь кружева ветвей,
Златые фонари витают в чёрном бархате аллеи,
И перистыми листьями полощет по ветру каштан лучистый,
Ночными бабочками лист кленовый кружит, бал чаруя,
И я вальсирую с каштаном златолистным,
Над нами фонарей весёлый рой
С Луной танцует серебристой.

Земля моя, как ты красива

Земля моя, как ты красива
При взгляде с птичьего полёта
Там, где не тронула тебя
Бетонных мегаполисов рука,
Где по холмам кудрявым бродят облака,
Сияют лучезарные озёра,
И, водопадом низвергаясь
С высоких изумрудных гор
Хрустальными потоками,
Небесная жемчужная река
Астральной радугой играет в облаках,
Где изумительный иссиня-синий
Океанический простор
Дарит лучистые рассветы
И пламенеющий закатный небосвод,
И бликами сверкающие сонмы вод.

Я соглашусь, что невозможно всё на свете знать

Я соглашусь, что невозможно всё на свете знать,
Да и к тому же знаем мы, что ничего не знаем,
Но как к познанию стремиться важно,
И тот лишь капитан отважный,
Кто день за днём познания море бороздит,
Чей разум беспокойный по ночам не спит,
А дух просторы мира изучает.

«Кто знает, что бывают...»

Кто знает, что бывают
С овчинку небеса,
Тот ценит в жизни каждый миг
И наблюдает солнца лик,
Как пташка малая парит —
Так он с природой говорит,
Её за всё благодарит —
За солнца луч, за бег ручья, за свет Луны,
За песни светлые весны,
Он ко всему причастен,
Над чем и тлен не властен.

Вечера в консерватории

Оркестр Когана на сцене – волшебство.
Блистательные музыканты нас уводят в мир Респиги,
Исполненный фонтанов Рима переливчатым журчаньем,
Поющим ветром в кронах пиний голубых,
И музыкою волн морских просторов
В поэме «Море» Дебюсси,
В мир Брукнера, певца и гения гористых сумрачных стихий,
Симфоний Малера всей многогранной жизни многоцветных
переливов
И в новогодний дивный вечер
Искристых венских вальсов золотых.
Но нет в оркестре уж альтиста —
Моим он братом был по духу своему.
Швейцарии взметнулись между нами горы.
Придётся ль свидеться – известно провиденью одному.

Вы извините непоседливость мою

Вы извините непоседливость мою,
Коль я волнуюсь, невзирая на года,
Мой дух же – беспрестанная волна,
А ведь волна волнуется всегда.
Есть исключение – стоячая волна,
В ней пребываю только в грёзах сна.

«Как соткать из пустоты...»

Как соткать из пустоты
Жизни светлой нить?
И какой живой водой
Душу оживить?
Как уйти от немоты
Пересохших уст?
Для чего такой сосуд,
Что так долго пуст?

Н. А. Н.

Манил кувшин хмельным вином
И думал только об одном —
Побольше обаять овец,
Ведь среди овец он молодец,
Средь молодца же сам овца.

Спор одуванчиков

Средь одуванчиков шёл спор —
Кто боле одухотворён.
Сказал тут первый: – Всем вам не в укор
Мой венчик – малое Ярило —
Теплом весной всех одарило.
Ну, а второй ему в ответ
Сказал: – Однако же мой цвет
Звездой лучистой сияет
И путь поэтам освещает.
А третий молвил: – Я маяк,
В туманном сумраке ночи
Служу заблудшим кораблям
Как путеводный свет свечи.
Увы, истёк цветенья срок,
Случился лёгкий ветерок
И преподал всем трём урок,
Трём спорщикам, смахнув с них вмиг
Один у всех седой парик.

Осень

Осень, осень заморозила
И мне голову вскружила —
Ломких листьев лёд прощальный,
Сердцу счастья обещанья,
На короткий миг прощанье,
Впереди зимы дыханье.

Осень, Золотой пруд в Сокольниках

Одинокий лебедь реет на пруду —
Улетела пара на его беду,
По воде крылами он с разбега бьёт,
Но за ней не сможет ринуться в полёт.
С белой птицей счастье за моря ушло —
Улетела верность, вставши на крыло.

Ещё нас осень радует

Ещё нас осень радует цветеньем розы алой,
И бабье лето не торопится уйти,
И каждый день, как нега запоздалая,
Нас согревает перед долгим шествием зимы.
И как глоток последний из хрустальной чаши лета
Мы ценим благоденствие её,
Но грусти нет в мечтательной душе поэта —
Открыто сердце для мгновений светлых удивительной поры.

Художникам

Уметь из пепла возрождаться надо,
Хоть после взлёта озаренья
Ваш дух вас низвергает в пустоту
Духовного немого запустенья,
Но пережить беду неборимый дух велит,
Из пепла чтобы вновь росток пробился
И к небу голубому устремился,
Вновь творчеством расцвёл, как вешний сад.

Д. Намдакову

Была знакома прежде я со скульптором одним,
Он был немногословен, но глубок.
О поиске в искусстве новых форм мы говорили с ним,
Форм, в чём-то родственных моим.
Его работы, выходявшие за грань воображенья,
Порой напоминали дрёмные виденья.
Его ваяния выглядели так, что вызывали удивленье,
Но скрытый смысл он неизменно воплощал.
И позже неожиданно, попав в Кызыл,
Я в центре Азии вдруг встретила с его шедеврами ваянья —
Два всадника летучих на крылатых скакунах
Дух воплотили древний
Его земли и дух степи раздольной.
Их зоркий глаз, и гибкий стан,
Над Энесай-рекой полёт их вольный
Запали в душу, и во сне
Теперь так часто снится мне:
Лечу на пламенном коне
Навстречу утренней заре
Среди равнины дольной.

Речная прогулка по Москве-реке

Уж если не добраться в Рио-де-Жанейро,
То мы пойдём на «Рио»,
На «Рио», корабле красивом,
В речное путешествие по нашей солнечной Москве-реке,
Где в чудном зазеркалье вод,
Переливаясь красками, осенний лес
Навстречу к нам плывёт,
И пирамиды белоснежных зданий на волнах витают,
Играя солнечными бликами лучей,
И лес Зарядья нежно в водах тает.
Мир зазеркалья завораживает взгляд,
Волшебный отражённый мир реки,
Мир сказочных наяд.

Александровский сад

Стал мой знакомец старый снова юным —
Цветущий Александровский весенний сад
Коралловым цветением объят.
Парит ваянье Александра у стены кремлёвской.
Его российский гордый взгляд
Царит над миром сим цветущим,
Где пеной розовой душистых яблонь цвет
В небесной сини негой тает
И взор той изумительною негой ласкает.
Оранжевые россыпи цветов айвы
Лучатся радостью весенней
Средь изумруда шёлковой травы.
И разноцветные весёлые тюльпаны
Украсили лучистою мозаикой поляны,
А ветер озорной, тюльпанами играя,
Волнует юные фонарики весны,
Исполненные томным трепетным дыханьем
Весны прелестные создания,
Под кронами шикарными так трепетно нежна листва младая,
И сад цветёт, пленительными красками играя.

Цветные карандаши «Сакко и Ванцетти»

Кто с детства удивляется игре волшебных красок
В сиянии северном, что небосвод
Волшебным цветом наполняет,
Сколь многоцветно солнца луч
Брильянтами в росе на утренней заре сияет,
Какие переливы цвета им душа брильянта посылает,
Как дивно многоцветье радуги сквозит в струях фонтана
И сколько же в природе цветовых оттенков душу изумляет,
Поймёт то счастье в детстве и восторг души моей,
Когда родители мне на ВДНХ вручают
Коробку сорокаоттеночных цветных карандашей.
– Домой меня ведите! – тут же закричала я,
Приняв подарок. – Рисовать я буду!
P. S. Устроены карандаши в коробке были лесенкой —
За каждым рядом было видно предыдущий,
Её цвета как на ладони красовались,
Зовя запечатлеть фантазии моей души.
Волшебная коробка долго мне потом служила
Для воплощенья образов моих,
От детского воображения идущих.

Году Дракона

Грядёт мой год Дракона —
Восток так говорит.
Ну что ж с того? Хотя, коль разобраться,
Его черты мой дух в себе таит.
Мой дух осознанный крылатый
Достигнуть может и космических глубин,
Бывает и непредсказуем, и несдержан,
Но и всегда неповторим
В создании непреднамеренных иллюзий
И в творчестве неутомим.
И в джунглях человеческой истории
Надеется не потеряться,
Благие мысли правят им.
С повышенной разумностью он дружен,
Как исповедник многим он бывает нужен
И с увлечённостью природы
Нередко совершает он прыжки
С волны и на волны манящих увлечений,
Преодолев барьеры, что дано осилить
Лишь одному ему.
Когда же в творческом полёте
В астрал его вдруг улетает дух,
Он на Земле не существует,
А, возвратясь в реальность, существует вновь.
Его встречает здесь, бывает, мирская горечь,
Очарование природы, жизнь земная, слёзы и любовь.
P. S. Вулкан в Драконе дышит огненной страстью,
Что рвётся из глубин с неодолимой силой,
Рождая озаренье в огнедышащем потоке,
Летящем сквозь страстей горнило.

Знаки Зодиака

Случилось так, что по рождению
Тебе достался знак Землетрясения.
В календаре ах-кехском этот знак, как знамя,
Символизирует пылающее творческое пламя.
В Китае ты Дракон,
И огненный сей знак, и Солнце, твой кумир,
Во всех делах тебя сопровождают,
И дух твой пламенный покоя не желает,
Идеями и творческими замыслами,
Бывает, и во сне пылает.
Но водный знак и Рыб, и Водолея
Его надёжно охлаждает
И не даёт сгореть дотла хоть иногда.

Что говорят ах-кехи

А по ах-кехскому календарю,
В символике ах-кехской,
Мой день, неделя, год рожденья
Все разом значатся – «Землетрясенье»,
Что значит энергичное и сильное явление,
Подобное дракона пробуждению.
Рождённый в этом знаке уловить не в силах,
И, как мечтатель, он не замечает,
Когда печальное событие
Извне украдкой подступает.
Но есть вторая сторона явления —
Он человек-эксперт, Медоуказчик,
И в этом суть его предназначенья.

Ива

Рожденья датою была мне ива суждена —
При песенной меланхоличной красоте своей она
Весьма чувствительна, нежна,
С любовью к солнцу и теплу,
И пребыванию у воды.
Она в минуты радости общения с природой и астралом
Жизнь творческую светом наполняет.
Партнёром трудным ива вам бывает,
Поскольку к быстрой адаптации способностью не обладает
И компромиссов не приемлет.
Хоть с виду беззащитная, в ней дух великий пребывает.
Не сбрасывает лист зелёный даже в холода,
Ум проницательный находит нужное решение,
Случится коли с ней беда,
И вновь дарует возрожденье.
И мотивация в делах всегда для ней важна,
Но никогда, и ничего, и никому
Не станет вдруг навязывать она.

Крым, Алушта

Алушта, крепость Алустан, —
Древнейший Византии фрурион,
Продолживший факторию генуэзской исторической свой путь,
Максимильяном Первым возведённый,
И сквозь века летящий колокольный звон
Нам о былых эпохах возвещает.
Двуглавый Византии властно реющий орёл,
Взирая повелительно на запад и восток,
Имперскими крылами землю обрамляет.
Ивану Третьему невесту, в будущем царевну Софью
Палеолог шлёт
С библиотекой уникальной в нерушимый
Признания величия России доверительный залог.
Алушта наших дней,
В волшебном окружении кудрявых крымских сосен,
Вечнозелёных кедров-исполинов,
Остроконечных кипарисов чудных,
Под песни волн искристых, изумрудных
На холмах разморённой солнцем возлежит,
Великолепно осенённой
Короной величавой Демирджи
С её долиной великанов,
Взирающих издалека
И тающего в изумительной лазури
О чём-то грезящего Чатыр-дага —
Взлелеяна создателем на долгие века
Жемчужина Тавриды несравненной,
И восхищённый поэтический мой дух нетленный
Запечатлён теперь создателем на этих берегах.

Крым, Партенит, сады Айвазовского

Летим по лестнице, взбегающей к неведомым садам,
По мозаичным ветвям пальмы,
По грёзам пушкинского вдохновенья
В неведомый доселе парадизный храм —
Природный храм волшебного виденья.
Здесь по аллеям сказки и легенды бродят неспроста:
Очарованье грёзы, флоры дивной красота
Уводят в удивительный фантазий мир,
Где солнцем напоённый сказочный эфир
Поёт волшебной флейтой у фонтана,
Где Купидон стрелой пронзает юные сердца,
И на поляне в серебре олив
Персей щитом зеркальным побеждает зло Горгоны,
И трио малых водопадов,
Зеркальным полотном сбегая долу,
Поёт призывно песнь наядам,
Созвучну пению виолы.
В ротонде девы нежный лик
Под мраморным прозрачным покрывалом
Благословляет мир.
Самовлюблённый чахнувший Нарцисс,
Непревзойдённый сам себе кумир,
Застыл над отраженьем в зеркале пруда.
На набережной Посейдон, трезубцем потрясая,
Как грозный повелитель волн
Воинственно глядит на гладь морскую.
Всё в парке сказкою дышало —
И Пушкина живое изваянье,
Где дух поэзии его запечатлён
Как вдохновенно гениальное созданье.

Крым, Гурзуф

С высот Гурзуфа взрыв восторга —
О чудо! Аю-Даг в пушистой шапке меховой,
Что кружит над горой, не тая,
И ты в полёте над волшебною землёй,
Сбегающей с высот земного рая.
Весёлый серпантин пути
Скользит среди виноградных лоз,
Всё ближе к морю синему сбегая,
Цветные домики Гурзуфа лепятся по склонам среди садов,
Италии ландшафт напоминая.
Морские воды обласкают вас,
И берег тёплый галькою разнежит,
Вы бестелесной чайкою парите в синеве —
В прозрачной синеве безбрежной.
По белоснежной набережной пролетим, как птицы,
Не заглянув в закрытый недоступный сад,
И поспешим к музею, чтобы поклониться
Писательскому дару Чехова,
Запечатлев в душе его проникновенный с фотографий взгляд.
В укрытой малой бухте домик Чехова гнездится среди камней —
Убежище творца от суеты мирской и тлена,
И волны тихо плещутся под малою скалой,
Вдыхая о поре прошедших вдохновенных дней.

По иранским мотивам

Как око неусыпное души,
Я разум воспую,
Что с помощью слуха, зрения и речи —
Трёх главных неизменных стражей —
Оберегают от напастей род людской
И открывают нам врата,
Которыми идут мечте навстречу.

ВДНХ моего детства

Любимая ВДНХ, как отзвук из былого детства,
Ушла в преданье вместе с ним,
Оставив ностальгию мне в наследство.
Неизгладимое виденье —
Все павильоны, как дворцы,
Взирают гордо с высоты
С достоинством свершённых достижений
Во многих отраслях большой страны.
И радостные гости из республик —
Посланники своей земли
Достойны были восхищенья
За их бесценные труды.
И мы давались диву от успехов
Ушедшей в лету героической страды.
А у фонтана, «Дружбою народов» что зовётся,
Ваянья на высоком пьедестале —
Стать гордая прекрасных жён
С плодами их трудов столь благодатных,
И славою был труд их окружён.
Фонтан неповторимый «Каменный цветок»
Являлся к нам как будто бы из детской сказки,
Играл в хрустальных струях, как брильянтовый цветок,
И как же хочется хотя бы на миг вернуться
В былой Московии чудесный уголок!
P. S. Средь гордых жён и бабушка моя
Тогда была награждена ВДНХ
Неразделимой, дружной и большой страны
За удивительные достижения в животноводстве,
За неусыпные и легендарные труды
На ниве пищевого производства.

Фестиваль национального гостеприимства на ВДНХ

Как нам прелестно на просторе,
Где звёздный яркий фестиваль
И самобытных песен, танцев и костюмов море
Позвали нас в миры традиций ближних стран.
И вмиг всплыла в воображеньи
Картина светлого виденья —
В горах цветущего Кавказа,
Там, где в хрустальной чистоте
Танцует дева молодая,
Что лебедь в горной синеве.
Крылаты руки, взор сияет,
Румянец на щеках цветёт
И сердце радостно поёт.
Джигит навстречу к ней летит,
И в танце грацией сверкая,
И взором пламенным играя,
Над нею птицею парит.
Раздольны песни молдаван:
Там что ни песня – праздник сущий,
Им голос от природы дан,
И в нём живёт их мир цветущий.
И Крит позвал в страну оливок,
В страну легенд, морских чудес и див,
Зажёг сиртаки ярким танцем,
Что солнечным страны посланцем.
Танцует праздник и поёт,
И не страшится непогоды,
Но по велению природы
Вновь солнце озаряет нас.
Мы все такие разные —
Они и вы, и ты, и я,
И все мы – вдохновенная семья
Народов разных, самобытных,
К общению всегда открытых.
Искусство не приемлет возрастных границ:
От мала до велика всяк творит.
Кто в сердце музыку лелеет,
Тот и душою не стареет
И танцем, песней мир дивит.

Фестиваль «Сокровища Севера» в Сокольниках

Пожаловал к нам Север в гости
И закружил нас в песне, танце —
Своей земли достойные посланцы
Нас подивили самобытностью, фантазией, и грацией, и нравом.
Живут они в гармонии с природой,
Глаголет дух природный их устами,
В их песнях слышатся и птичьи стаи,
И шепчут травы, и леса шумят листвою.
Тувинское же горловое пенье
Вас очарует свистом птичьим,
И глубина тувинских голосов
Вас поразит своим величием.
И мерный бег коней в том пенье вдаль зовёт
В страну долин цветущих,
Средь сказочных высот.
А танец Севера – ведь это пластика крыла
Летящей птицы над простором,
И песни северных морей
Легли на ткань цветным узором.
Искусны мастера в резьбе по кости —
Сюжеты их работ нас изумляют.
Там только лишь родился, а уже художник —
С молодых ногтей шедевр ваяет.
Иные там живут в таинственных лесах,
И быт их необычно прост.
Но им сопутствует и искренность, и вера,
Что днём с огнём мы ищем в городах.

Салон Дидро: выставка в Пушкинском музее

Нам надо должное отдать Дидро:
Его критическое око
И искушённый вкус
Оценены весьма высоко,
Но мы не менее искушены,
Да и у нас свой угол зренья
В приёмах творческого вдохновенья.
«Милон Кротонский» Фальконе
(Тот скульптор, что воздвиг Петра
В его столичном граде)
С его «Гордыней», побеждённый деревом и львом,
С «Грозящим ангелом» с сияющим лицом,
Нас изумляют мимикой и пластикой пропорций,
Сияющего мрамора дыханьем.
И «Укротитель льва и грозного медведя» Бушардона
Оспаривает с Фальконе величье героического тона.
В шпалере по чудесной композиции Буше
Из серии «Любовь богов»
С названием «Венера в кузнице Вулкана»
Горящие богов античных взоры
Сверкают чувства пламенем, взирая на Венеру,
Парящую победно среди них.
Бушующих страстей накал
Соперничает с кузницей Вулкана,
Куящей огненных страстей сжигающее пламя
Во имя созидания благого
Для пантеона пламенных богов.
Насколько ж хороша Мадонна Франсуа Буше
В картине «Рождество» —
Не передать сие словами:
Цветёт святое материнство
В её ликующей душе,
И взор наполнен нежности сияньем.
Но здесь оспаривает первенство шпалера
«Изгнание торгующих из храма» —
Картина церкви Сан-Мартен-де-Шан.
Роль обличителя по праву
Вручается всевышнему Творцу:
Он не приемлет их лукавых нравов
И выдворяет за пределы храма.
И изумляет, сколь искусно, живо передал художник действо
И как искусно соткан гобелен.
Гудон создал шедевры изваяний:
Искусство скульптора позволило взглянуть
В глаза души философа Вольтера

И царственной Екатерины,
И графа де Бюффона,
И осознать великих их деяний путь.
И в изваяньи Салтыкова светлое чело
И прозорливый взгляд, и светлый ум —
Как скульптора высокое святое ремесло
Запечатлело в мраморе их образы навеки.
А у Верне прозрачность красок чудеса творит,
И озарён восходом солнца дивный вид,
И солнца краски нежно разливает,
И взор ваш в этой неге тихо тает.
В его «Закате солнца» нежишься в тепле его лучей:
Полотна покоряют прелестью изысканной своей.
Грёз прославляет в полотне крестьянский труд и смысл его
В полезности и откровеньи,
И в «Первой борозде» преемственность святая поколений
Несут в себе благую мысль.
Прелестен в полотне его и женский лик,
Взирающий на отпрыска с любовью.
Но в «Избалованном дитя» таится скрытый смысл —
Мать отрока готовит к трагедийным столкновениям
С суровым миром в каждый миг.
Но как божественно прекрасны персонажи у Реньо:
«Разоружённый Марс» столь ослепительно прелестен —
Кисть мастера рождает неземное божество,
Что вас невольно увлекает в мир чудесной сказки.
И в бронзе выполненный бюст Людовика Шестнадцатого
Взирает повелительно на вас,
И рядом с ним портрет там строгого Кольбера – покровителя
Изящнейших искусств, наук, культуры:
Без них не состоялся бы салон Пале-Рояль
И некому там было о художниках радовать,
И позже не продолжился бы в Лувре как салон «Квадрат»,
И не собрал бы он в своих стенах
Столь замечательных полотен и скульптур,
Которые имеем счастье лицезреть.

Выставка картин Слонимской «Антарктика»

Мир льда – он молчалив, суров, загадочен и сдержан,
Там спят века в хрустальных колыбельных снах,
Им песни колыбельные поют метели,
Снегов пушистых одеяло осеняет берега,
И снится им ушедшая весна.
Там спит земля, в хрустальные одежды пленена,
И снится ей чарующее лето —
Те времена, когда она была согрета
Сияньем тёплым солнечного света,
В цветение дерев и трав была одета,
Что царствовало здесь в те незапамятные времена.
И всё ж там жизнь движением полна:
Пингвинов стая любопытных, важных
Приветствует большие корабли,
Пришедшие с Большой Земли
На станции полярников отважных,
А фантастические формы там играют чудо-цветом,
Пылающий закат меняется золотым шатром,
И фиолетовые тени бродят там среди пирамид хрустальных,
Чарующих игрою радужного света,
Объятых фантастическим глубоким сном.
И сколь отваги нужно, силы духа,
Сознания риска понести потери,
Чтоб это волшебство запечатлеть на полотне!
Но вдохновение художницы не ведает преград —
Ей от рождения парить дано,
И дух Антарктики, и Севера ей широко раскрыли двери
Подобно русским морякам-первопроходцам:
Вела художницу звезда в мир бесконечных далей —
Её они очаровали
И поселились в сердце навсегда.

Выставка «Перуанские артефакты»

Проникновенно перуанские мотивы флейты Пана
На фоне горного плато
Навеяли свободное паренье
В величественных гордых Андах,
И флейты грусть нас позвала куда-то
В духовную обитель некогда ушедших душ.
Их мир загадочный и древний
Нам раскрывает тайны не спеша,
В причудливых индейских артефактах
Живёт их творчества нетленная душа.
Их письмена, их иероглифов узоры
В орнамент дивных тканей вплетены,
И их пронзительные взоры
На изваяньях древних запечатлены.
Природный дух тотемов их витает,
К касатке синей о крылатых плавниках
Как будто к синей птице Феникс дух взывает —
Надежды их и чаянья к нему обращены.
И птичка-эльф колибри, крошка с чудным опереньем,
Витает средь цветов на полотне
И воскрешает из забвенья
И запахи, и звуки, и дыханье
Цветущей перуанской флоры
Как будто бы в волшебном дивном сне.
И эхо древних тех таинственных эпох,
И голос флейты шлют издалека,
Нам возвращая из забвенья,
Что затерялося в веках.

К художникам

Зачем цветенье жизни вянет,
Зачем тревожит песня сердца слух
О солнечном художнике, что станет
Легендой для ранимых душ,
О том художнике, что верит
В нетленность духа красоты земной,
Мир солнечной души своей подарит
Юдоли грешной сей мирской?
Посыл любви в его полотнах
Исполнен светлою мечтой,
И мир души его астральной
Сияет гордою красой.

Праздник самовара в Эрмитаже

Так в праздник самовара
Чай пьём мы от души:
Обряд ведь сей не даром
Водился на Руси.
Вернее, были травы —
Настои диких трав, —
Лечебные отвары
Не только для забав.
Знавали люди свойства
Лекарственных тех трав
И недуг врачевали,
И силы подкрепляли
Нужды в чаях не зная.
И не было спиртного —
Хмельной лишь только мёд,
И песнь лилась в застолье,
Водили хоровод.
Сейчас лишь «Россы» песни
Заздравные поют,
На сказочных костюмах
Руси ремёсла чтут.
И древнее сказанье,
Традиции оплот,
Вдруг оживает в танце
О легендарном камне,
Что сохранил народ.
Там песнь казачья вьётся
О вольнице донской,
И в сердце отзовется
Забывший слог степной,
И «Мишки-одессита»
Так душу песнь щемит
И воскрешает память,
Слезу смахнуть велит.
Башкирка песней звонкой
Башкирский славит мёд,
Узбекская певица
Нас в чайхану зовёт.
Удмурты воспевают
В полях цветущий лён,
А Север птичьей трелью
Украсит небосклон.
Такие наши песни —
В них чаянья души,
В них радость и раздумья.

Случается слеза,
Всю жизнь те песни с нами,
Без них нам жить нельзя.

Выставка Рязанской земли на ВДНХ

Рязань нам стала ближе,
Приехав на ВДНХ к нам погостить —
С особой самобытностью уклада,
Ремёсел, удивительной керамики,
Нарядов и платков узорчатого радужного ряда,
И изумительных нежнейших кружев чудеса.
С историей земли рязанской
С тех незапамятных времён,
Её мыслителей, героев и поэтов.
Есениным земля его была воспета,
Взрастившая плеяду замечательных имён.
Поклон тебе, земля Рязани —
Свой круг друзей пополни москвичами!

Тыква

Хвалилась тыква: аль не хороша?
И семенами полнится душа,
Я бахчевых всех королева,
Оранжевая в три обхвата дева.
На что арбуз ей возразил:
– С тобой тягаться нету сил,
Но сам я бахчевых король,
И титул мой признать изволь.
А скромный нежный патиссон
Не стал оспаривать их трон.
Летающей тарелке принц под стать —
Ему мечтается летать.

Парк имени Горького

Сентябрьские благоухающие золотые в парке розы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.